

О.Л. Вайнштейн

Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
О-11

O-11 **О.Л. Вайнштейн**
Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней / О.Л. Вайнштейн – М.: Книга по Требованию, 2021. – 366 с.

ISBN 978-5-458-31404-6

Книга проф. О.Л. Вайнштейна представляет собой первую попытку дать систематический общий очерк развития историографии средних веков на протяжении почти пятнадцати столетий (с V в. до наших дней). В основе книги лежит большой исследовательский труд над обширным и разнообразным историческим материалом. Книга является учебником для студентов исторических факультетов. Помимо этого, она предназначается для преподавателей истории высшей и средней школы и для всех, интересующихся, исторической наукой.

ISBN 978-5-458-31404-6

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I. ВВЕДЕНИЕ

Понятие историографии. Термин «историография» (т. е. историописательство) употребляется в двояком значении: во-первых, как совокупность исторических произведений какой-нибудь эпохи, страны, класса и т. п., во-вторых, как история развития исторической науки или определенного ее раздела. Когда мы говорим, например, об «историографии XIX века», о «французской историографии эпохи Просвещения», о «буржуазной историографии», мы употребляем слово «историография» в первом значении; когда же идет речь о «курсе историографии» или, как в этой книге, об «историографии средневековья», то имеется в виду второе значение этого слова.

Следует заметить, что в западноевропейской литературе, во избежание двусмысленности, словом историография, или историописательство (*historiographie, Geschichtsschreibung, historical writing*) пользуются только в первом смысле; для обозначения же истории нашей науки говорят описательно: история историографии (*histoire de l'Historiographie, storia della storiografia, history of historical writing, Geschichte der Historiographie*). Однако мы не последуем этому примеру, поскольку оба значения слова «историография» укоренились в нашей литературе и практике наших¹ вузов; из контекста же будет ясно, в каком значении применяется данное слово в каждом отдельном случае.

Задачи историографии. Как справедливо указывает американский историк Беккер, историография до сего времени редко бывала чем-нибудь большим, нежели перечнем историков и их трудов, «с некоторыми указаниями на цели и точки зрения авторов, характер использованных ими источников и ценность их работ». ¹ Существующие общие труды по историографии, как это будет видно из их обзора в конце этого введения, являются в лучшем случае полезными справочниками, причем, будучи весьма далеки от исчерпывающей полноты, они даже и в этом отношении не могут нас удовлетворить. Историки, рассматриваемые в этих трудах, нередко выбраны совершенно произвольно — сообразно вкусам, политическим и классовым интересам и симпатиям их авторов. Так, имена Маркса и Энгельса, величайших историков нового времени, не упоминаются даже в очень крупных работах по историографии XIX в. Фютер, автор лучшей книги на данную тему, посвящает Марксу три строчки петитом и даже не называет Энгельса, в то время как каким-нибудь давно забытым и совершенно ничтожным историкам уделены целые

¹ Becker, What is historiography? (The American historical Review, vol. XLIV, No. 1, October, 1938).

страницы. Из выдающихся буржуазных историков всюду сбходится молчанием Маурер. Следует далее отметить, что историки-экономисты и историки права, хотя многие из них оказали значительное влияние на развитие исторической науки, как правило, совершенно не находят себе места в общих историографических трудах. Таким образом, даже независимо от неприемлемого для нас подхода к историкам, эти труды по своей неполноте и однобокости не в состоянии дать правильного представления о развитии исторической науки.

Чтобы показать это развитие, недостаточно дать перечень или своего рода каталог историков. Подобно тому как собрание книг, расположенных без всякой системы, еще не составляет библиотеки, так и собрание характеристик различных историков не является историографией. Для того чтобы собрание книг обратить в библиотеку, необходимо расположить и описать их в известной последовательности, согласно определенной системе, на основе определенных принципов описания, вырабатываемых библиографией. Точно также задача историка нашей науки должна заключаться, прежде всего, в систематизации исторических произведений и в подведении их авторов под некоторые определенные категории, обозначаемые обычно как исторические школы или направления.

Но этим задачи историографии не ограничиваются. Историография должна быть не историей историков, а историей исторической науки. Поэтому самое образование исторических школ и направлений должно быть подвергнуто всестороннему рассмотрению и выяснены предпосылки их возникновения. Тогда станет ясным, что развитие исторической науки происходит в процессе смены этих школ и притом смены отнюдь не случайной, а вполне закономерной. Будучи одной из форм идеологии, история, подобно всякой другой науке, подчиняется законам развития идеологии. Как раз на примере развития исторической науки проследить эту закономерность нетрудно, так как история теснейшим образом связана с общественной жизнью, с классовой, политической борьбой. Каждая эпоха общественного развития выдвигает перед историками новые задачи, влияет на выбор объектов исторического исследования, определяет в той или иной мере оценки фактов прошлого. С другой стороны, техника исторического исследования, объем и характер источников информации, организация работы историка — все это зависит от успехов других наук, от уровня техники производства в целом, от социально-политического строя и, в конечном итоге, от состояния производительных сил. Так, закономерное развитие общества создает предпосылки для появления новых исторических школ и для господства одной какой-либо школы в исторической науке.

Мало того. Перемены в структуре общества, в формах общественной жизни влекут за собою, вместе с общим изменением мировоззрения, перемены в отношении к прошлому, в характере исторического понимания. На каждом крутом повороте истории меняется вся система исторических представлений, меняется ощущение и восприятие прошлого. Система исторических представлений — понятие более широкое, чем историческая школа. Так, например, буржуазные историки самых различных школ и направлений стоят на почве одной и той же системы

исторических представлений, и наоборот, современный «кризис историзма», о котором так много писали в последнее время, является кризисом исторической мысли буржуазии, но отнюдь не трудящихся классов, иными словами, не имеет никакого отношения к марксистско-ленинской историографии. Отсюда нетрудно сделать вывод (который в дальнейшем будет подробно обоснован), что характер и особенности всей системы исторических представлений определяются мировоззрением того класса, интересы которого представляет в данную эпоху историческая школа или школы.

До сих пор мы говорили о том определяющем влиянии, которое на историческую науку оказывает общественное развитие. Но не следует упускать из виду и обратного влияния исторических идей и представлений на общество. В «Истории Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков)» недаром подчеркивается «...г ром а дя я р о ль новых общественных идей...». — «На основе конфликта между новыми производительными силами и старыми производственными отношениями, — читаем мы в этом руководящем труде, — на основе новых экономических потребностей общества возникают новые общественные идеи, новые идеи организуют в мобилизуют массы, массы сплачиваются в новую политическую армию, создают новую революционную власть и используют ее для того, чтобы упразднить силой старые порядки в области производственных отношений и утвердить новые порядки» (стр. 125). В создании новых общественных идей, имеющих столь важное значение, исторической науке принадлежит немалая роль. Достаточно вспомнить, что «Коммунистический Манифест» Маркса и Энгельса, оказавший величайшее влияние на развитие рабочего движения, является произведением историческим и что вообще те великие идеи, с помощью которых марксистско-ленинская теория в прошлом и в настоящем мобилизовала и мобилизует массы, являются идеями исторически обоснованными. Таким образом, историография не вправе обойти вниманием и влияние исторических идей на общественное развитие.

Из сказанного вытекают задачи и содержание историографии. Историография должна изучать — в связи с развитием общества — развитие исторической науки, выражющееся в закономерной смене исторических школ, направлений и всей системы исторических представлений, а также влияние исторической науки на выработку важнейших общественных идей.

Задачи и содержание историографии средних веков являются, конечно, более узкими. Историография средних веков занимается развитием того раздела исторической науки, который изучает историю средневековья, т. е. 13-векового периода, начинаящегося с падения рабовладельческой Римской империи и заканчивающегося в последней четверти XVIII в. крушением феодально-абсолютистского режима во Франции. По ряду причин, на которых здесь останавливаются нет возможности и которые будут рассмотрены в своем **наст.** этим разделом истории и прежде и — в странах капитализма —

теперь занимаются наиболее усердно. Важнейшие буржуазные исторические школы создались именно в связи с изучением истории средних веков; наибольшее число ученых обществ и учреждений ставят именно этот период в Центр своего внимания; наиболее обширные публикации источников в Германии, Англии, Франции и Италии посвящены средним векам; наконец, научная литература, относящаяся к этому периоду, является просто необозримой.

Однако для ознакомления с развитием историографии средних веков вовсе нет необходимости, — да это и невозможно, — останавливаться на всех сколько-нибудь видных историках. Достаточно ограничиться наиболее характерными для каждой школы и направления работами, которые либо двигали историческую науку вперед, либо наилучшим образом отражали господствовавшие в данную эпоху исторические представления и идеи. Поэтому в нашем изложении найдут себе место даже произведения буржуазно-националистической историографии, фальсифицирующие историю, лишенные элементарных признаков научности, засоряющие литературу крайне реакционными, вредоносными и человеконенавистническими идеями и тем самым характеризующие целый этап — последний этап — в развитии буржуазной историографии капиталистических стран. Вряд ли можно оспаривать познавательную ценность болезней и пороков буржуазной историографии на новейшем этапе ее существования.

Более спорным является вопрос о включении в историографию работ о средних веках, написанных средневековыми же историками, всех этих «всемирных» и «церковных» историй, «исторических зеркал», анналов и хроник. Согласно обычному взгляду подобные произведения представляют для нас ценность только в качестве источников, следовательно, должны составить предмет рассмотрения особой отрасли исторического знания — исто чнико веде ния. Такой взгляд основан на убеждении, что средневековые произведения лишены всякого научного характера и не имеют никакого отношения к дальнейшему развитию исторической науки. Так, известный немецкий историк Генрих фон Зибель характеризует их следующим образом: «Средние века не имели представления об исторически обоснованном суждении, не имели понятия об исторической реальности, не имели и намека на критическое рассмотрение. Принцип авторитета, безусловно господствующий в области религиозной, отразился не только на догматической, но и на всякой другой традиции. Везде люди склонны были видеть, но не обследовать; фантазия повсюду преобладала над рассудком».¹

Если даже признать справедливость подобной характеристики, — а она нуждается, несомненно, в известном ограничении, — то и в этом случае исключение из курса историографии работ средневековых историков будет неправомерным. Эти работы отражают исторические представления и общее мировоззрение господствующего в средние века класса феодалов, следовательно, их совокупность может быть обозна-

¹ Heinrich von Sybel, *Über die Gesetze des historischen Wissens*, Bonn, 1864 (см. *Vorträge und Aufsätze*, изд. 3-е, 1885, стр. 14 сл.). Такую же позицию занимает и его учитель Ранке, *Gesammelte Werke*, Bd. 51, стр. 96 сл., а также Бернгейм, автор известного труда *Lehrbuch der historischen Methode* (разн. изд.).

чена как феодальная историография. По сравнению с нею буржуазная историография представляет огромный шаг вперед. Со временем гуманистов XV—XVI вв., родоначальников будущей историографии, история начинает становиться наукой, зарождаются научные методы исследования, критическое отношение к источникам, стремление разумно понять и объяснить исторические явления. Однако все это ни в какой мере не лишает феодальной историографии значения определенной, исторически обусловленной формы идеологии, отражавшей мировоззрение своей эпохи и оказывавшей влияние на присущие этой эпохе общественные идеи. Преодоление в буржуазной историографии феодальной идеологии так же не может служить основанием для исключения последней, как преодоление буржуазной идеологии и буржуазных исторических концепций марксистско-ленинской историографией не освобождает нас от необходимости изучать развитие буржуазной исторической мысли.

Таким образом, с точки зрения тех задач историографии, которые были формулированы выше, средневековая феодальная историография является необходимым звеном в общем развитии исторической науки и, следовательно, должна быть рассмотрена в этом курсе.

Периодизация историографии средних веков. Вводя понятия феодальной, буржуазной и марксистско-ленинской историографии и подчиняя этому делению порядок дальнейшего изложения, мы должны иметь в виду, что между каждым из этих

этапов развития исторической науки и историческими эпохами развития общества нельзя установить полного хронологического соответствия. Буржуазная историография зарождается в XV в., в период господства феодального строя, правда, начинаящего уже обнаруживать признаки разложения, однако и после ее возникновения средневековые исторические концепции продолжали жить вплоть до XVIII в., сохраняя командные высоты, особенно в школьной литературе. Марксистско-ленинская историография берет начало в период расцвета капитализма, в середине XIX в.; однако нормальные условия для своего развития и господствующее положение она завоевывает только в СССР, со времени Великой Октябрьской Социалистической Революции. Следовательно, периодизацию историографии по основным этапам ее развития мы можем все же включить в рамки общей исторической периодизации. Сложнее обстоит дело с периодизацией внутри каждого из намеченных этапов. Хронологические границы внутренних делений могут быть указаны здесь лишь весьма приближенно, особенно по отношению к буржуазной историографии, занимающей в нашем изложении центральное место. Притом, с принципом деления по периодам нам придется сочетать деление по странам или по национальному признаку, имеющему важное значение для буржуазной историографии и весьма небольшое значение для историографии феодальной. В качестве примерной и весьма нуждающейся в дальнейшем уточнении, здесь может быть предложена следующая периодизация развития историографии средних веков.

I. Феодальная историография (V—XVIII в.).

1. До зарождения буржуазной историографии эпохи Возрождения (V—XV);

2. Вырождение феодальной историографии (XVI—XVIII вв.).

II. Буржуазная историография (XV—XX вв.):

1. Гуманистическая историография (XV—XVI вв.);

2. Эрудитская историография XVII в.;

3. Историография эпохи «Просвещения» и Французской революции XVIII в.;

4. Европейская реакция и господство романтического направления в историографии (первая половина XIX в.);

5. Либерально-буржуазная историография 60—90-х гг.;

6. Историография периода империализма (с конца 90-х гг. XIX в.);

7. Новейшие течения буржуазной историографии и кризис буржуазной исторической мысли (со времени империалистической войны 1914—1918 гг.).

III. Марксистско-ленинская историография:

1. До Великой Октябрьской Революции (середина XIX в. — 1917);

2. Марксистско-ленинская историография в СССР

Последовательное проведение данной периодизации через всю нашу работу путем соответствующего расчленения материала возможно далеко не повсюду. Крайняя неравномерность в распределении этого материала по эпохам и странам заставит нас нередко нарушать стройность приведенной схемы. Значение этой схемы ограничивается, таким образом, тем, что она позволяет ориентироваться в общем развитии историографии и установить некоторые основные вехи этого развития.

Значение курса историографии. Изучение истории нашей науки имеет для каждого историка большое общеобразовательное и специально-научное значение. Мы увидим прежде

всего, что во все времена историки любили рядиться в тогу объективности, уверяя читателя, что они будут говорить правду и одну только правду. И феодальные и буржуазные историки на все лады повторяли известное положение, что «история не смеет говорить ничего ложного и не смеет не говорить правды» (*Ne quid falsi dicere audeat, ne quid veri non audeat historia* — слова римского писателя Цицерона¹), и, однако, это не мешало им говорить ложь. Дело здесь не столько в элементарной недобросовестности (хотя и недобросовестных историков было немало), сколько в том, что одного только желания быть объективным, каким бы искренним оно ни было, еще недостаточно. Знаменитый Ранке стремился, по его словам, только к тому, чтобы «рассказать, как в сущности происходило дело» (*blossen sagen, wie es eigentlich gewesen*),² и считается образцом объективного историка, но мы в своем месте покажем, как извращал историю этот выдающийся ученый.

Буржуазный историк потому и называется буржуазным, что он защищает — сознательно или бессознательно — господство класса буржуазии, обреченного историей на уничтожение. Он является, следовательно, буржуазно ограниченным по самой своей природе, т. е.

¹ De oratore II, 15. Многочисленные высказывания феодальных историков на эту тему см. у M. Schulz, Die Lehre von der historischen Methode bei den Geschichtsschreibern des Mittelalters, 1909, стр. 4—14.

² Geschichte der romanischen und germanischen Völker, Berl., 1824, стр. V сл.

органически не в состоянии увидеть и понять в изучаемом им прошлом то, что говорит об исторической обреченности его класса. Конкретно, в применении к истории средних веков, это означает, что буржуазный историк не в состоянии понять подлинные причины падения рабовладельческой Римской империи, прогрессивную роль феодализма на определенном этапе развития общества, неизбежность крестьянских восстаний против феодалов и их поражения, значение ранних буржуазных революций и великое множество других явлений, свидетельствующих об исторической ограниченности любых форм классового гнета и о неумолимом ходе исторического процесса в направлении социалистической революции, диктатуре пролетариата и построению бесклассового коммунистического общества. Вот почему буржуазный историк многих фактов не видит, многим дает неверное или одностороннее освещение, и если по отдельным, частным вопросам он в состоянии приблизиться к адекватному изображению прошлого, то понимание всего процесса развития ему недоступно. В еще большей степени скажанное относится к феодальному историку, к тому же не имевшему в своем распоряжении тех средств познания прошлого в виде точных приемов исторического исследования, которые были выработаны буржуазной исторической наукой.

Можно ли на этом основании утверждать, что вся работа бесчисленных поколений феодальных и, особенно, буржуазных историков была совершенно бесплодной, что их усилия объективно познать прошлое, будучи вследствие их классовой ограниченности обречеными на неудачу, не представляют в настоящее время интереса. Зрелище этих усилий, постоянно возобновляемых и приводящих только к нагромождению все новых и новых теорий, из которых каждая разрушала все предшествующие, чтобы быть в свою очередь уничтоженной последующей, неоднократно вызывало пессимистические суждения самих буржуазных историков об исторической науке вообще. «Исторические знания, — писал крупный французский ученый Рейан, — маленькие гадательные знания, которые беспрестанно переделываются каждый раз с самого начала и которыми станут пренебрегать через сто лет» (*Sciences historiques, petites sciences conjecturales, qui se défont après s'être faites et qu'on négligera dans cent ans*).

Изучение развития историографии покажет, что такая точка зрения является совершенно неправильной. Помимо извращений и фальсификации прошлого, помимо ложных теорий, буржуазная историография периода своего расцвета оставила нам немало ценного. За столетия своего существования она накопила огромное количество фактов, разработала технику исторического исследования, выдвинула некоторые весьма плодотворные точки зрения, которые были критически переработаны и частично восприняты классиками марксизма-ленинизма и марксистско-ленинской историографией.

Далее, если мы изучаем различные философские системы, поскольку они отражают развитие философской мысли и помогают нам понять генезис философского мировоззрения марксизма-ленинизма, то с не меньшим вниманием мы должны изучать развитие исторической мысли, которое поможет нам понять происхождение марксистско-ленинской историографии.

Наконец, значение историографии заключается еще в том, что знакомство с нею позволяет лучше понять и оценить любое историческое произведение. Благодаря историографии каждое такое произведение представляется нам не как единичное явление, а как часть некоторого более широкого целого; оно оказывается включенным в определенную систему или группу произведений, принадлежащих к одной и той же школе, к одному из направлений исторической науки; оно тем самым получает свое место в ряду других работ, что позволяет скорее в нем разобраться, понять его значение и дать ему надлежащую оценку.

Все, что было здесь сказано о задачах и значении историографии вообще, относится, само собою разумеется, и к историографии средних веков. Следует, однако, отметить, что ни в нашей, ни в буржуазной иностранной литературе мы не найдем ни одной работы, посвященной специальному историографии средних веков. Элементы последней входят составной частью в общие труды по историографии. Таким образом, настоящая книга является первой попыткой дать связное изложение специальному историографии средневековья и притом попыткой дать это изложение, во-первых, с марксистско-ленинских позиций, во-вторых, в соответствии с теми задачами историографии, которые были намечены выше. Нижеследующий обзор известных нам историографических работ покажет, что ни одна из них этим задачам не удовлетворяет и даже не ставит их перед собою, так что их значение даже в качестве материала при построении марксистского курса историографии является весьма относительным.

Обзор общих работ по историографии на русском языке.

На русском языке, в сущности, нет ни одной общей работы по западноевропейской историографии. Этот пробел профессора-историки в дореволюционное время восполняли тем, что своим общим курсам по истории средних веков они обычно предпосылали историографические обзоры. Наиболее удачным из них по широте охвата и хорошей компоновке материала является обзор покойного профессора Московского университета А. Н. Савина, предшествующий его курсу «Истории Западной Европы в XI—XIII вв.» (Выпуски I—II, Москва, 1913, Литограф. издание). Автор останавливается, главным образом, на наиболее выдающихся представителях буржуазной историографии XIX в., уделяя некоторое внимание и историкам эпохи «Просвещения» и совсем бегло касаясь новейших течений. Несмотря на краткость обзора, в нем отводится место и таким явлениям в историографии, которые обходятся молчанием даже в обширных трудах, например, творчеству реакционного государствоведа Галлера, оказавшего влияние на романтическое направление в историографии. Немецкого медиевиста Г. фон Белова, автора шовинистического обзора немецкой историографии (вышел в 1915 г., см. ниже), в свое время расхвалили за то, что он «открыл» Галлера и показал его значение, но приоритет здесь принадлежит скорее русскому ученому Савину. Заслугой последнего является и то, что он дает анализ целых школ и направлений, а не ограничивается характеристикой отдельных историков. Тем не менее, этот обзор, являясь лишь введением в курс истории средних веков, настолько сжат и неполон, что может представлять интерес только отдельными цennыми замечаниями.

В 1913 г. появилось литографированное издание курса московского профессора Д. Н. Егорова: «Средние века, Историография и источниковедение» в двух выпусках. Это — запись лекций, повидимому, не предназначенных для широкого распространения и потому не особенно тщательно отредактированных. Но как первая попытка дать систематический обзор историографии средних веков, эта работа заслуживает нашего внимания. После очень краткой и суммарной характеристики историков раннего средневековья автор уже более подробно излагает развитие историографии в эпоху Возрождения, Реформации, Просвещения и заканчивает некоторыми явлениями в историографии XIX в. Известное внимание уделено даже Марксу и Энгельсу, которые, правда, фигурируют просто как последователи... Лоренца Штейна, «родоначальника целой науки»; в качестве прямого предшественника марксизма выводится не кто иной, как Макиавелли! Эти поразительные «открытия» свидетельствуют о том, что автор далеко не всегда достаточно серьезно относился к излагаемому им предмету. Помимо того, очень многие другие его высказывания и характеристики носят чисто импрессионистский характер и недостаточно обоснованы. Развитие буржуазной исторической науки показано почти исключительно на материале немецком и французском: не говоря уже о русских медievистах, которые совсем не приняты во внимание, многие крупнейшие имена западноевропейских историков средневековья обойдены молчанием. Изложение является систематическим, в сущности, только до XIX в.; последующий, наиболее важный период развития историографии освещен очень поверхностно. Все это, не говоря уже о буржуазно ограниченной исторической концепции автора, делает его работу неприемлемой для советского читателя.

Других общих работ по историографии на русском языке нет. «Очерк средневековой историографии» казанского профессора Осокина (1898 г.) посвящен исключительно средневековым хронистам. «Очерки западно-европейской историографии» проф. П. Виноградова, которые печатались в «Журнале Министерства Народного Просвещения» за 1883 и 1884 гг., представляют только обзор новинок английской и немецкой исторической литературы, вышедшей за эти годы.

Что касается работ специальных, то среди них следует назвать прежде всего старую, но еще представляющую некоторый интерес работу харьковского профессора Н. Петрова «Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции» (1861 г.), в которой главное внимание уделено немецкой исторической науке 50—60-х гг. Автор не скрывает своих симпатий к наиболее консервативным направлениям в историографии и считает Германию главной страной исторической мысли. В своих оценках Н. Петров мало самостоятелен и, как он сам отмечает, следует преимущественно различным авторитетам. — Очень сжатый (на 15 страницах), но ценный обзор литературы по одному из важнейших вопросов историографии средних веков, именно по вопросу о генезисе феодализма, дает П. Виноградов в качестве введения к своему исследованию «Происхождение феодальных отношений в лангобардской Италии» (1880 г.). Той же теме посвящена статья проф. И. М. Грэвса «Феодализм», помещенная в энциклопедическом словаре Брокгауза-Ефона. В этих обзорах

заслуживает внимания то обстоятельство, что они не ограничиваются одними историками в узком смысле, а учитывают и исследования экономистов и историков права.

Из русских ученых дореволюционного времени больше всего вопросами историографии занимался В. П. Бузескул, профессор Харьковского университета, затем академик. Помимо «Обзора немецкой литературы по истории средних веков» (1885 г.) и отдельных историографических статей, вошедших в его сборник «Исторические этюды» (1911 г.), ему принадлежит большая и ценная, но, к сожалению, оставшаяся незаконченной работа «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века», в 2 частях (1929 и 1931 г.). Однако все эти труды касаются только определенных разделов историографии и притом имеют преимущественно справочный характер. Автор всюду рассматривает историков изолированно от эпохи и не дает картины развития исторической науки, ограничиваясь лишь более или менее полными сведениями об отдельных представителях этой науки, причем почти совершенно игнорирует советских историков-марксистов.

Число специальных историографических обзоров на русском языке вообще довольно велико, так как почти ни одно исследование не обходится без «историографического введения». Однако все это не может ни в коей мере заменить отсутствие общего труда по истории нашей науки.¹

Общие работы по западноевропейской и национальной историографии на иностранных языках.

Переходя к обзору историографических трудов на иностранных языках, я должен прежде всего отметить, что обилие соответствующей литературы заставляет меня ограничиться лишь наиболее существенным и важным, точнее говоря, — теми трудами, которые рассматривают относительно большой период развития исторической науки в одной или многих странах. На первом месте здесь необходимо поставить книгу швейцарского историка Фютера «История новой историографии» (*Geschichte der neueren Historiographie*, 1911; изд. 3-е 1936 г.; в 1914 г. вышел французский перевод ее с дополнениями и замечаниями автора: *Histoire de l'Historiographie moderne, avec notes et additions de l'auteur*). Фютер дает историю развития исторической науки, начиная с эпохи Возрождения и доводя изложение приблизительно до 70-х гг. XIX в. Таким образом, буржуазная историография новейшего периода совершенно не затрагивается, если не считать некоторых общих и достаточно поверхностных соображений в последней главе. Несмотря на огромное количество имён историков, которыми пестрит книга, она отнюдь не представляет собой сколько-нибудь полного справочника. Строгий отбор в море исторической литературы неизбежен, но с принципами отбора никак нельзя согласиться. Для Фютера историками, заслуживающими внимания, являются, очевидно, лишь те, которые занимались политической историей; историки-экономисты, историки права (Маурер, Рот, Зом, Бруннер, Глассон, Виолле и т. д.)

¹ Специальные работы по историографии будут указываться далее, в соответствующих местах. Отметим здесь для полноты еще очень беглый «Очерк историографии феодализма» автора этих строк, приложенный к книжке Е. А. Косминского «Феодализм» (Вайнштейн и Косминский, Феодализм, I, М., 1931).